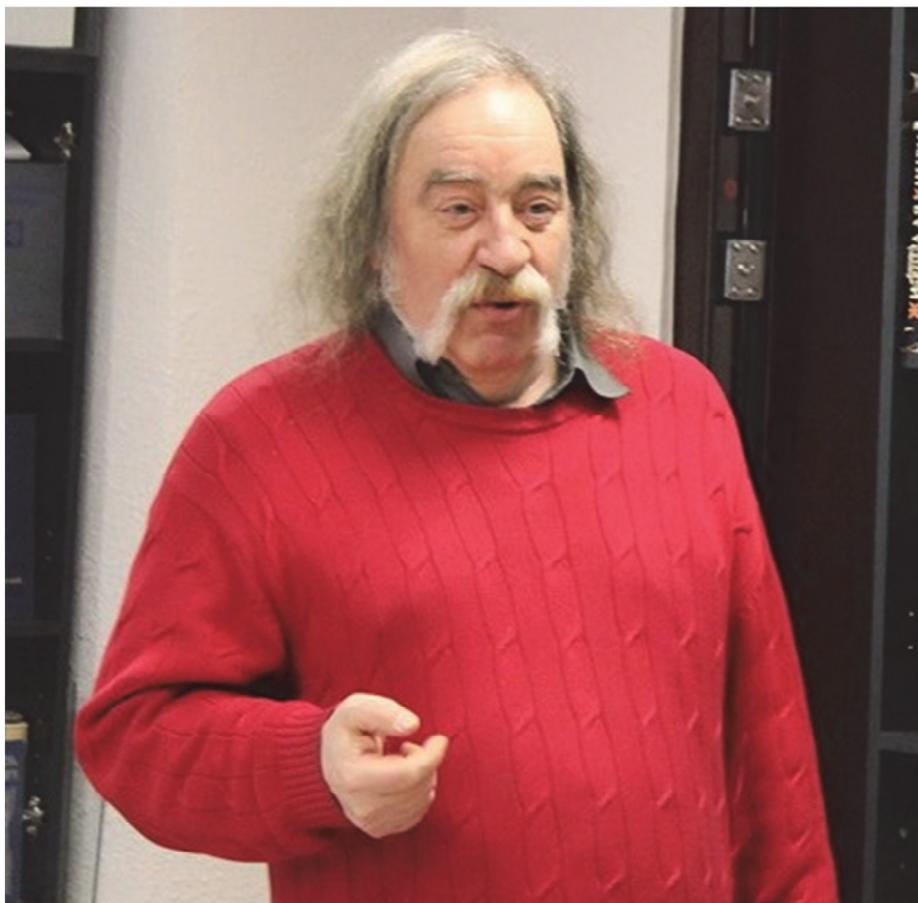

IN MEMORIAM

УДК: 821.161.1-1:801

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-777-787

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — СТИХОВЕД И СТИХОТВОРЕЦ

О.Я. Бараш

Статья посвящена памяти Сергея Юрьевича Преображенского, лингвиста и поэта. Описываются научные интересы исследователя, рассматриваются его основные концепции в стиховедении. Кроме того, статья содержит краткую характеристику его поэтического творчества.

Ключевые слова: стиховедение, поэтика, интертекст, поэтический синтаксис, русская поэзия

И будь готов к восторгу пифии,
Не понимающей того,
Что слово, предварив событие,
Быть может, породит его.

С. Преображенский

В 2002 году по просьбе издания *Toronto Slavic Quarterly* составить автобиографическую справку, Сергей Юрьевич Преображенский написал о себе: «...выбор специальности был для меня и случайным и неслучайным — кроме русской лингвистики открывалось не так уж много поля деятельности, где власть не особенно доставала, а никаких специальных навыков, кроме навыка беглого чтения, не требовалось. Подписавшись на лингвистику, я вынужден был лет двадцать подтверждать профессиональный статус (...) — и чем больше я статус подтверждал, тем меньше мне нравилась вся эта русистика и славистика, потому что по ходу дела я обнаруживал в ней много нелепого и бестолкового, а также откровенной халтуры и просто, честно сказать, ерунды. Один человек — истинный лингвист и настоящий методолог — оказал без дураков серьезное влияние на мои научные взгляды. Его уже нет в живых, это Г.П. Мельников. Кроме того, я знал и знаю многих замечательных людей, занимающихся русистикой и славистикой. Несмотря на все перечисленные выше недостатки этого рода деятельности, он заметно расширяет круг знакомств в лучшую сторону. Мои немногочисленные научные достижения представляют собой по форме статьи — плод вынужденных усилий — и свободный полет не обремененной чрезмерной эрудицией мысли по существу. Тем не менее я смею утверждать, что, опять-таки по существу, я сейчас лучше, чем любой другой лингвопоэт (или лингвопоэтик — это уж как кому угодно), представляю себе языковую природу стиха» [Преображенский 2002 URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>].

Этот текст отражает не столько научную деятельность автора, сколько его характер, в первую очередь склонность к иронии и самоиронии. Конечно же, филологией он занимался не ради расширения круга знакомств, эрудицией обладал весьма солидной (а вот гелертерства в нем не было ни капли) и статьи писал вовсе не для подтверждения статуса: не вынося «откровенной халтуры и ерунды» у других, он и сам никогда не писал и тем более не публиковал того, что не было тщательно продумано и обоснованно, как бы свободно ни «летала» его мысль. И именно благодаря этой свободе — не предшествующей научному знанию и дисциплине, а вытекающей из них, — он создавал собственную концепцию языковой природы стиха.

Если собрать его статьи — а их свыше восьмидесяти — они едва ли составят больше одного тома. Преображенский излагал свои идеи сжато и четко, без столь любезного многим филологам «плетения словес»; он знал цену слову — как художественному, так и научному, так как был не только лингвистом, но и поэтом (отсюда и шуточное «лингвопоэт» или «лингвопоэтик» — а как на самом деле называется тот, кто занимается лингвопоэтикой — дисциплиной с границами столь же размытыми, сколь неопределенно ее название?). Собственно, Преобра-

женский занимался не лингвопоэтикой в ее общепринятом понимании, скорее стиховедением, но тоже не вполне традиционным, не тем, что ограничивает себя узкими рамками ритмико-метрического строения стиха. К тому же в этой сфере долгие годы господствует количественный, или статистический метод, имеющий дело с большими массивами текста и не объясняющий природы стихотворной речи, где, как считал Сергей Юрьевич, исключения важнее правил.

С.Ю. Преображенский в своих исследованиях поэтического текста исходил из того, что поэтический язык подлежит описанию в рамках принятых моделей описания естественных языков. Согласно его концепции стихи (или стихотворные строки) — «это не стиховедческие конструкторы, а элементы своеобразной языковой системы, разнообразно ритмически организованные сигналы, главной коммуникативной функцией которых в рамках этого поэтического языка является вторичная сегментация речи с вытекающей из этой сегментации частичной синтаксической перестройкой сообщения» [Преображенский 2015: 318]. Для описания данных единиц С. Преображенский предлагает использовать «эмический» термин — «стихема» (впервые примененный М. Кенигсбергом несколько в другом значении), пользуясь которым возможно выстроить типологию стиха, соотносимую с типологией естественных языков.

Можно, конечно, сожалеть, что создание такой типологии не было завершено С. Преображенским и что автор успел рассмотреть и охарактеризовать лишь некоторые стихемы (в частности, «шевченковский» шестисложник и логаэд адоний), однако подобная работа не может быть завершена силами одного исследователя, да это и не входило в задачи Преображенского и противоречило его научному темпераменту. Им создана теоретическая база, на которой исследования могут и, думается, должны быть продолжены, тем более что сам их предмет, у которого «разнообразные внешние признаки варьируются и сменяют друг друга в результате смены коммуникативных задач и условий коммуникации, а вовсе не некоему эстетическому произволу» [Преображенский 2007: 677—678].

Осознавая динамическую природу стихотворной речи, С. Преображенский не ограничивался рассмотрением «готовых» стихем, сформировавшихся в результате длительной традиции; его интересовали современные, находящиеся в становлении формы, а также пограничные между стихом и прозой явления (свободный и гетероморфный стих, ритмизованная и метризованная проза). Ряд его статей посвящен современным авторам, творчество которых считается прерогативой литературной критики, а не филологической науки (Г. Сапгир, Л. Губанов, А. Штыпель, Д. Веденяпин, А. Еременко, Д. Файзов), и которые были для него не только объектом исследования, но и товарищами «по цеху».

Интересы Преображенского состояли не только в изучении метрики, ритмики и поэтического синтаксиса. С самого начала научной деятельности (кандидатской диссертации на тему «Языковые средства выражения пародии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1983), автореферат которой и сегодня широко цитируется как исследованиями творчества Салтыкова-Щедрина, так и специалистами по пародии) его глубоко занимала природа «чужого слова» в художественном тексте. Это сегодня только ленивый не пишет об интертекстах; в первой половине 80-х в литературоведении еще не было повальной моды ни на труды М.М. Бах-

тина, ни, тем более, на теории интертекстуальности, выдвинутые зарубежными учеными. Так или иначе, Преображенского и здесь интересовало не столько то, «кто кого цитирует», сколько лингвистическая природа бытования в тексте «чужого слова». Этой проблеме посвящены две его ранних статьи («К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата», 1989 и «Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация», 1991), да и в последние годы он ею не пренебрегал, отыскивая временами неожиданные «сближенья» (О. Мандельштам — С. Нельдихен, М. Гаспаров — З. Жаботинский, К. Вежиньский — Н. Заболоцкий, В. Ходасевич — Д. Веденяпин и др.).

Имя польского поэта Казимежа Вежиньского не зря попало в этот ряд. Преображенский уже в зрелом возрасте вдобавок к английскому и французскому овладел польским и украинским языками в достаточной мере, чтобы рассматривать общие парадигмы славянского стихосложения, привлекая для сравнения и западноевропейский материал. Он высоко ценил достижения польской школы стиховедения (М.Р. Майенова, А. Кулявик, М. Длуска, Л. Пщоловска), польские коллеги, в свою очередь, ценят его работы, где речь идет о Ю. Тувиме, Б. Шульце, Ч. Милоше, Т. Ружевиче. Недаром его в последнее десятилетие так часто приглашали на конференции в польские университеты, где, к сожалению, представителей этой школы почти не осталось.

Участие в конференциях — будь то в Польше, России или, скажем, Белоруссии — было для Преображенского неотъемлемой частью научной жизни, в которой, по его мнению, нередко и рождался «свободный полет» мысли. Когда сегодня слушавшие его коллеги вспоминают его «неповторимый голос» (С.Е. Ляпин в частном письме автору данной статьи), они, конечно же, имеют в виду не только тембр, действительно редкой красоты. «Его очень любили на научных конференциях — он действительно очень много знал и поэтому всегда задавал докладчикам массу вопросов. Не для того, чтобы показать, что знает, а чтобы помочь аудитории. Эти вопросы, которые вели всю конференцию, были не только вдохновенной работой, они были и самой конференцией в полном смысле этого слова, ради них многие из нас сами того не понимая приходили и приезжали туда, где ожидался Преображенский», — вспоминает профессор Ю.Б. Орлицкий [Орлицкий 2017 URL <http://kultinfo.com/novosti/2485/>]. Любили, правда, не все: Преображенский был непримирим к тем, чьи сообщения, как он считал, не имели научной ценности, и всегда высказывался (порой резко) тогда, когда другие лишь молча пожимали плечами. Столь же бурно он приветствовал любую оригинальную мысль, даже если не был с ней согласен.

Обаяние личности трудно передать на бумаге, а научные статьи позволяют судить лишь об интеллекте и эрудиции того, кто их пишет. Иное дело стихи, в которых автор «отсюду виден», как приговский милиционер, вне зависимости от того, тождественна ли, говоря по-тыняновски, личность автора авторской личности. В случае Преображенского — соответствует, точнее, почти соответствует. И снова слово Ю.Б. Орлицкому: «Как поэт Преображенский начинал в годы максимального московского поэтического кипения восьмидесятых, он знал всех,

и все его знали. Но ни с какой из возникших в те годы группировок его идентифицировать невозможно: он всегда был сам по себе, шел своим путем. Наверное, именно поэтому его читали незаслуженно скудно». Неверно здесь одно — начал он раньше. «Стихи я начал писать давно, задолго до занятий лингвистикой, и именно в этом качестве считаю себя человеком не случайным» — так завершает Сергей Преображенский приведенную в начале данной статьи автобиографическую справку. В разговорах он неоднократно отмечал, что первые стихи, за которые ему «не было стыдно», он написал в 1976 году. А вот первая его публикация состоялась двумя годами раньше, в 1974 году в журнале «Смена». По словам тогдашней сотрудницы журнала Ольги Теслер, которая и предложила их редактору отдела поэзии, «...когда была разборка номера с его стихами, то ли какой-то инструктор из ЦК комсомола, то ли наш глав. ред., которому там накрутили хвост, сказал: „Это что за декадентство такое, это что за Гиппиус, что за Игорь Северянин, за Гумилев?“ Мы рассказали Сергею, и он ответил, что для него это самая большая похвала: „вот уж, порадовали!“» [см. Бараш 2017 URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf>].

Не удивительно, что в дальнейшие 15 лет публикаций было мало — два-три стихотворения в журналах, небольшая подборка (исковерканная цензурой) в сборнике 1985 года «Молодые поэты Москвы» — и лишь в 1990 году стихи Преображенского были в достаточном объеме представлены в антологии «Граждане ночи». Первый его поэтический сборник «Мы жили в Москве» вышел в 1997 году, второй — «0-1», в 2001-м, третий — «Календа» — в 2011-м. Выпустить четвертый он не успел, хотя написанных после 2001 года и неопубликованных стихов хватило бы не на один сборник. Преображенский публиковал стихи не очень охотно — мешал присущий его характеру перфекционизм, хотелось что-то доделывать, шлифовать, доводить «до совершенства». И никакие аргументы, что поэты обычно лишь портят готовые тексты, пытаясь их улучшить, не действовали...

Он имел неширокий, но устойчивый круг ценителей. Узость круга отчасти объясняется и малым числом публикаций, и, может быть, тем, что, по словам одного молодого поэта, «у него очень сложные стихи — нужно перестроить мозги, чтобы воспринимать их полноценно. Целая наука — понимать его стихи». И, конечно же, тем, что он, как отмечает Ю.Б. Орлицкий, всегда был сам по себе. Несмотря на личное приятельство и даже дружбу с И. Ждановым, А. Парщиковым, А. Еременко, А. Сопровским, он никогда не входил в «обоймы», хотя в конце 80-х сблизился с поэтами группы (тогда уже клуба) «Московское время». Близость определялась поэтикой и отчасти тематикой стихов, общностью традиции, ориентированностью на одни и те же образцы. Однако, как рассказывал сам Преображенский, когда его решили «принять в клуб», он заявил, что в «посвящении в рыцари» не нуждается, чуть не рассорившись из-за этого с С. Гандлевским.

Клуб вскоре распался, но и не случись этого, Преображенскому скоро бы стало тесно в его рамках, так как поэтика его менялась. Неловко повторять заезженные фразы о «периодах» в творчестве того или иного поэта, но, увы, в данном случае эти периоды существуют.

Ранние (1976 — начало 1982 г.) тексты на первый взгляд кажутся бесхитростными — стихи о детстве, зарисовки московского быта, мини-баллады:

Рыжий пес ведет слепца.
Пахнет ситным, пахнет сайкой.
На спине китайской лайки
Солнца теплая пыльца...
(1978)

На самом краю котлована
Бытовки фанерный фонарь
Лучом перспективного плана
Пронзает морозную хмарь.
В потемках ночных буераков,
Где битая плитка лежит,
Блуждающий сторож с собакой
Со скуки объект сторожит...
(1981) —
И т.п.

Эта «бесхитрость» в свое время несколько обескуражила искушенного, но принадлежащего к другому (младшему) поколению критика К. Медведева, автора рецензии на первый сборник, воспринявшего его как попытку «примирить регулярное стихосложение, русскую поэтическую культуру, накопленную за два с половиной века интенсивного развития, с необходимостью современного поэта, желающего вывести хоть сколько-нибудь оригинальную мелодию, каждый раз пользоваться новыми, по случаю изобретенными приемами» [Медведев 1999, URL <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>]. Напомню, что слова «регулярное стихосложение», «традиция» и даже «рифма» были тогда (а для многих и остаются) почти ругательными.

Для Преображенского наличие в русских стихах, в том числе собственных, рифмы и метра (или хотя бы только метра) — не просто дань традиции, а данность, диктуемая самой природой языка, не отменяющая, однако права на существование стихов, написанных по иным правилам. Конечно, филологическая рефлексия пришла позже, во многом как следствие поэтического опыта. Так или иначе, свободный стих у Преображенского присутствует в исчезающе малых количествах, и, что интересно, немногочисленные верлибры чаще встречаются в позднем творчестве.

Нужно прожить
как выжить
чтобы в простоте
апостольской
откровенно вымолвить
тело изнашивается
быстрее
чем одежда
вторичный покров
(2013)

Так или иначе, это не было ни экспериментом, ни сознательной попыткой написать именно верлибром: форма стихотворения диктовалась той внутренней мелодией, на которую ложились слова в определенном порядке, а мелодия, образно говоря, могла принадлежать как Моцарту, так и Шнитке.

Зрелый Преображенский мог быть почти герметичным:

Слепорожденный рыцарь пера и шпаги,
Вываленный, как в пухе, в бархатной книжной пыли,
Вник в корневой источник подземной отваги.
Все твои начинанья лютиком проросли...
(«Ода кроту», 2010)

А мог впасть в «неслыханную простоту»:

В кухне плоский шорох тараканов,
Неизменный горький запах табака;
И с прогулки так еще румяна
Эта нежная прохладная щека...
(«Мария», 2014)

Вне зависимости от используемой системы стихосложения, «приключения языка» в его стихах совершаются внутри строки, на синтаксическом/синтагматическом уровне. Можно говорить, опять же, словами Ю. Тынянова, о тесноте стихового ряда, можно — вслед за О. Мандельштамом — о «пропущенных звеньях», — чем больше семантических звеньев пропущено, тем выше пресловутая трудность восприятия.

Будучи сугубо университетским человеком, Преображенский не был «университетским поэтом», если, понимать университетскую поэзию как нечто нарочито герметичное, отличающееся «самоцельной языковой игрой» и «демонстративным аутизмом» (выражение С. Чупринина). Неприятие подобной самоцельной игры и «аутизма» исключило его взаимопонимание с поколением поэтов, которому сейчас между сорока и пятьюдесятью. Но, что интересно, его стихи все лучше воспринимаются и понимаются теми, кому сегодня между двадцатью и тридцатью. Остается — и это уже наша задача — только донести до читателя то, чего он не успел донести при жизни.

В заключение — несколько стихотворений разных лет.

* * *

Серо-розовой дымкой, почти слюдяною средой,
Износившейся легочной тканью, сцежающей кровь,
Расползается небо над темной кирпичной стеной,
И под этой стеной учреждается наша любовь
На мучнистом тумане, замешенном густо в груди,
На дыханье, пробившемся сквозь толоконный раствор.
Так суди нас, о Господи, этой любовью, суди,
Потому что страшней без суда услышать приговор,
Потому что надежда одна — оглашенный реестр,
Отдаваемый в рост, обеспечит прирост души,
На копеечный бублик, на чашку кагора, на погнутый крест,
На шепот разложенья, оскребок посмертной парши.

Потому что надежда одна. И крути не крути,
В этом хлебном хвосте мы стояли за телом Твоим.
Здесь, в лабазе мучном, на слепом, на червивом пути,
На голодном пайке, как часы, отбывая режим.
20.11.87.

И. Клеху

Дрозды на подкрылках несут голубую зарю —
Тату из рябины, ресницами ставшей на горло.
В хрусталике синем дисперсно

написано: «Пью»,

Но это не тот, кто слепой,

кто с клешней,

Это то, что не вмёрло,
Как Польша, Украина,
И запад славянский, и юг:
Гортанное бульканье,

долгих шипящих дробленьё.

И если у ног недостаток хождения,

и скрепы у рук —

Языки приходят в движенье.

24.07 2001

И всё

Стынет подледное ухо,
Где дотлевают сверчок.

Меченный белым пухом
На смоляной бочок,
На коломяный коврик,
На половичный стан,
На леденящий поморок,
На море-окиян,
Он, по доске прошедший,
твердый тяни-толкай,
Рогий, двоякоплечий,
Лег: века вековой.

2006

© Бараш О.Я.

Дата поступления: 6.09.2017

Дата приема к печати: 20.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бараш О.Я. Поэт и литература // Toronto Slavic Quarterly # 61. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf>, дата обращения 10.09.2017.
2. Медведев К. Сергей Преображенский. Мы жили в Москве. М.: Арго-Риск, 1997. <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>, дата обращения 10.09.2017.

3. *Орлицкий Ю.Б.* Его любили // Памяти Сергея Преображенского. <http://kultinfo.com/novosti/2485/>, дата обращения 10.09.2017.
4. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2015.
5. *Преображенский С.Ю.* Стихотворный синтаксис в свете лингвистической типологии // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20—23 марта 2007 г. Труды и материалы. М., МГУ, 2007.
6. *Преображенский С.Ю.* Verses // *Toronto Slavic Quarterly* #1 (Summer 2002), <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>, дата обращения 10.09.2017.

УДК: 821.161.1-1:801

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-777-787

SERGEY YURIEVICH PREOBRAZHENSKY, SCHOLAR AND AUTHOR OF VERSES

Olga Ya. Barash

Abstract. The article is written in memoria of Sergey Yurievich Preobrazhensky, linguist and poet. It tackles upon the scientific interests of the scholar, deals with his principal concepts in prosody and other spheres of poetics. Besides, It also contains a brief characteristics and examples of his own poetic work.

Key words: prosody, poetics, intertext, poetic syntax, Russian poetry

REFERENCES

1. Barash, O.Ya. (2007). Poet and Literature, *Toronto Slavic Quarterly* # 61. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Barash61.pdf> (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
2. Medvedev, K. (1997). Sergey Preobrazhensky. We Lived in Moscow. Moscow: Argo-Risk. <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-02-13/medved.htm>, (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
3. Orlicskij, Yu.B. (2017). He was loved In Memory *S.Yu. Preobrazhensky*. <http://kultinfo.com/novosti/2485/> (accessed: 10.09.2017). (In Russ.).
4. Preobrazhensky, S.Yu. (2015). System Analysis of Verse. In: Valentinova O.I., Denisenko V.N., Preobrazhensky S.Yu. & Rybakov M.A. *Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: Izdatel'skij dom JaSK. (In Russ.).
5. Preobrazhensky, S.Yu. (2007). Poetic Syntax in the light of Linguistic Typology In *III International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fates and the Present"*, Moscow, Moscow State University. M.V. Lomonosov, March, 20—23, 2007 Proceedings and materials. (In Russ.).
6. Preobrazhensky S.Yu. (2002). Verses, *Toronto Slavic Quarterly* #1 (Summer 2002), <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/preobrazh.shtml>. (accessed: 10.09.2017).

С.Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Избранные работы (библиография)

1. *К типологии межтекстовых отношений: аллюзия и цитата* // Русская альтернативная поэзия XX века. М., 1989. С. 43—47.
2. Функциональные возможности ритмико-синтаксических клише как суперсегментного синтаксического средства (на материале орнаментальной прозы А. Белого) // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989. С. 76—86.

3. Методология лингвистики. Учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1989. 84 с. (в соавторстве с Г.П. Мельниковым, 2-е изд. 2015).
4. Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация // Проблемы семантики в аспекте преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во УДН, 1991. С. 107—112.
5. Функционально-доминантная модель эволюции художественных систем: от идиолекта к идиостиллю (в соавторстве с О.И. Северской) // Поэтика и стилистика. 1988—1990. М.: Наука, 1991. С. 146—156.
6. «Метонимические» прилагательные у Мандельштама в свете «тесноты стихового ряда» // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28—29 декабря 1998 г.). М., 2001. 316 с. С. 197—205.
7. Фонетическая теория А. Потебни и новые подходы к русскому стиху (в соавторстве с О.Я. Бараш) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. N 632: Філологія. Вип. 42. Харків, 2004. С. 164—167.
8. Протопредложение и протословосочетание в русском стихе: парадоксы двусловных клише // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1. М., 2010. С. 35—40.
9. Эмические единицы и лингвистика стиха (о статусе первого пеона) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 34—41.
10. Автономизация стиха: идиостиль И.В. Коневского и эволюция русского стихотворного синтаксиса // Стратегии исследования языковых единиц. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2012. С. 61—66.
11. «Коломыйковый стих»: версификационный интернационализм (Украина — Польша — Болгария — Россия) и его общеславянская синтаксическая база // W kręgu problemów antropologii literatury: W stronę antropologii niezwykłości. Научный редактор В. Супа. Материалы научной конференции. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 2013. С. 457—471.
12. Славянский двусловный стих: пограничье силлабики и силлаботоники // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія. Віцебск, 2013. С. 370—373.
13. Авторская программа читательской рецепции: история отсроченной рифмы (Т.С. Элиот — М. Йогансен — Я. Сатуновский — Г. Сапгир) // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе. Гродно: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. С. 264—272.
14. Стихема: умножение сущностей или концепт когнитивного стиховедения // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы Седьмой Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 7—9.
15. Логаэд адоний: славянский ритмико-синтаксический инвариант // Сборник серии Acta Polono-Ruthenica, т. XIX. Olsztyn: Wyd. UWM, 2015. С. 251—261.
16. Рецепция метризованной прозы: сигналы переключения сегментации // Русская филология: Ученые записки СмолГУ, т. 16. Смоленск: СмолГУ, 2015. С. 237—243.
17. Системная лингвистика Г.П. Мельникова: воспоминания о будущем? // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани нервного срыва. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2015. В 3-х тт. Т. 2. С. 59—68.
18. «Сеновал» О.Э. Мандельштама: ритмика, рифма, интонация в контексте поэтической полемики // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 2. Ярославль: РИО ЯГПУ. С. 11—17.

19. Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 303—376.
20. Три канона русского верлибра: переводческий, писательский и филологический // Проблемы каноничности русской литературы: теория, эволюция, перевод. Краков: Изд. Ягеллонского ун-та, 2017. С. 125—140.
21. «Футбол»: версии поэтической концептуализации (О. Мандельштам, В. Набоков, Н. Заболоцкий, К. Вежиньский, А. Слисаренко, Н. Отрада) // Человек в пространстве языка. № 9. Периодический сборник научных статей. Каунас, 2017. С. 273—281.